

ГРИШИЙ

СОЛДАТЫ ВТОРОЙ АРМИИ
МАСТЕРА МАЛОЙ НАУКИ

КОРПОРИАЛЫ
(ОРДЕН ЖИВЫХ И МЁРТВЫХ)

СЕРДЦЕБИТЫ
ЦЕЛИТЕЛИ

ЭФИРЕАЛЫ
(ОРДЕН ЗАКЛИНАТЕЛЕЙ)

ШКВАЛЬНЫЕ
ИНФЕРНЫ
ПРОЛИВНЫЕ

СУБСТАНЦИАЛЫ
(ОРДЕН ФАБРИКАТОРОВ)

ПРОЧНИКИ
АЛКЕМЫ

Мақхи Кир-Табан, Небеснорожденная, происходила из древней династии королев.

«И все они были дурами, — думала она, чувствуя, как учащается пульс по мере прочтения зажатого в руке приглашения. — Не будь они дурами, я бы не оказалась сейчас в таком положении».

На лице ее не отразилось даже тени пылавшей внутри ярости. Краска гнева не запятнала ее нежные щеки. Она была королевой и умела держать себя соответственно статусу — спина прямая, поза непринужденная, лицо спокойное. Пальцы ее не дрожали, несмотря на то что каждым своим мускулом она стремилась стереть покрытый изящными буквами листок в пыль.

*Король Николай, Великий князь Удовы,
единовластный правитель великой Равки,
и принцесса Эри Кир-Табан,
Небеснорожденная из Божественной династии Табан,
рады пригласить королеву Мақхи Кир-Табан
на празднование бракосочетания
в королевской часовне Ос Альты.*

Венчание планировалось через месяц, считая с этого дня. Придворным Макхи хватит времени на то, чтобы упаковать соответствующие наряды и драгоценности, собрать свиту и подготовить отряд ее Тавгаратов, элитных солдат, охранявших королевскую семью с тех пор, как первая королева династии Табан заняла трон. Достаточно времени на то, чтобы совершить путешествие по земле или по воздуху, на одном из роскошных дирижаблей, сконструированных ее инженерами.

Более чем достаточно времени на то, чтобы разумная королева смогла развязать войну.

Но сейчас Макхи была вынуждена держать лицо перед министрами, собравшимися возле нее в зале совета. Ее мать покинула этот мир всего лишь месяц назад. Корона могла вернуться к бабке Макхи, но Леути Кир-Табан стояла на пороге восьмидесятилетия и не желала вновь взваливать на себя всю тяжесть управления страной. Ей хотелось лишь пестовать свои розы в сельской глуши и предаваться утехам с чередой красавцев-любовников, и поэтому, одарив Макхи своим благословением, она отбыла в дальние владения. Макхи короновали всего через несколько дней после похорон матери. Она была пока в самом начале пути правительницы, но намеревалась сделать все, чтобы он был долгим. Она планировала ускорить наступление века благополучия и процветания для своей страны — а для этого нуждалась в поддержке тех самых королевских министров, которые сейчас смотрели на нее в напряженном ожидании.

— Я не вижу письма, написанного лично Эри, — произнесла она, откинувшись на спинку трона. Она положила приглашение на колени и позволила себе чуть нахмуриться. — Это вызывает беспокойство.

— Нам следует радоваться, — заметил министр Нагх.

Он был одет в темно-зеленое платье с медными пуговицами и двумя скрещенными ключами Шу на лацка-

нах — наряд чиновничьего сословия, как и у прочих министров. Вместе они походили на лес строевых деревьев.

— Разве не на такой результат мы надеялись? Свадьба, скрепляющая союз между нашими народами?

На этот результат вы надеялись. Дай вам волю, мы будем вечно прятаться под прикрытием наших гор.

— Да, — согласилась она с улыбкой. — Именно поэтому мы рискнули отправить нашу драгоценную принцессу Эри в те дикие земли. Но она должна была написать нам послание собственной рукой, подтверждая, что все хорошо.

Министр Цзиун откашлялась.

— Ваше небесное величество, Эри, возможно, не особо счастлива, скорее, покорила обстоятельства. Она никогда не желала жизни в центре внимания, не говоря уже о том, чтобы жизнь эта проходила вдали от единственного места, которое она может назвать своим домом.

— Мы — Табан. И все, чего мы желаем, это то, в чем нуждается наша страна.

Министр почтительно склонила голову.

— Конечно, ваше величество. Следует ли нам подготовить ваш ответ?

— Я отвечу сама, — заявила королева. — В знак особого уважения. Будет лучше начать наши союзнические отношения на правильной ноте.

— Очень хорошо, ваше величество.

Нагх сказал это так, словно Макхи удалось исполнить особо удачный реверанс.

Почему-то одобрение министра вызвало у Макхи больше раздражения, чем его несогласие.

Она поднялась, и министры, все как один, тут же сделали шаг назад, следуя протоколу. Она спустилась с тронного возвышения, и отряд Тавгарадов последовал за ней, держась на шаг позади, пока она шла по длинному коридору, ведущему в покои королевы. Шелковый шлейф ее

платья шуршал по мраморным полам, раздражая не меньше, чем шепот советников. Макхи точно знала, сколько шагов отделяет зал советов от уединенной тишины ее покоев. Прежде ей приходилось проделывать этот путь бесчисленное множество раз вместе с матерью, а до этого — с бабушкой. И вот теперь она считала — пятьдесят шесть, пятьдесят пять, — пытаюсь избавиться от раздражения и вернуть ясность ума.

Она чувствовала, что министр Йервей следует за ней по пятам, несмотря на то что шорох его мягких туфель успешно скрывался в ритмичном стуке сапог Тавгарадов. Казалось, ее преследует привидение. Вели она своим стражам перерезать ему горло, они выполняют приказ без малейших сомнений. А затем, когда ее будут судить за убийство — ведь в Шухане это может ждать и королеву, — они дадут показания против нее.

Когда их группа добралась до покоев королевы, Макхи, миновав позолоченную арку, вошла в маленькую приемную, отделанную светло-зеленым мрамором. Взмахом руки отпустив ждущих здесь слуг, она повернулась к Тавгарадам.

— Не беспокойте нас, — последовал приказ.

Йервей прошел следом за ней через гостиную и комнату для музицирования в большой зал, где Макхи когда-то сидела на коленях у матери, слушая истории о первых королевах династии Табан — воительницах, которые в сопровождении своих ручных соколов спустились с высочайших гор Сикурзоя, чтобы править Шуханом. *Табан йенок-йун* звались они. Буря, которая осталась.

Дворец был выстроен первыми королевами, но до сих пор считался чудом инженерной и архитектурной мысли. Он принадлежал династии Табан. Он принадлежал народу. А в этот короткий миг — всего-то на пару шагов в параде королев Табан — он принадлежал и Макхи. Но стоило ей войти в покои Золотого Крыла, как настрое-

ние сразу же поднялось. Этот зал наполняли золотистые блики и шум струящейся воды, а изящные повторяющиеся арки террасы, примыкающей к нему, служили прекрасным обрамлением ухоженным изгородям и искрящимся фонтанам королевского парка, раскинувшегося вниз, и продолжающих его цветущих садов Амрат Ена, с ровными рядами сливовых деревьев, напоминающими полки солдат. В Равке царила зима, но здесь, в Шухане — этой благословенной земле, — солнце по-прежнему согревало все своим теплом.

Макхи вышла на террасу. Это было одно из немногих мест, где она могла говорить с кем-нибудь без опаски, не беспокоясь о любопытных взглядах и чутких ушах слуг и соглядатаев. На столе из зеленого стекла стояли кувшины с вином и водой, а также блюдо поздних фиников. В парке внизу она увидела племянницу Акени, играющую с одним из мальчишек-садовников. Если случится так, что у Макхи с ее консортами не выйдет зачать дочь, Акени станет наследницей короны, решила Макхи. Она не была старшей из девочек рода Табан, но даже в свои восемь определенно была умнейшей. Весьма неожиданно, учитывая то, что ум ее матери был глубиной с обеденную тарелку.

— Тетушка Макхи! — окликнула Акени снизу. — Мы нашли птичье гнездо!

Мальчишка-прислужник не осмеливался заговорить или даже поднять глаза на королеву и молча стоял позади приятельницы по играм, разглядывая сбитые носки сандалий.

— Вы не должны прикасаться к яйцам, — сказала Макхи детям. — Смотрите, но не трогайте.

— Я не стану. Хочешь, нарву тебе цветов?

— Принеси мне лучше желтую сливу.

— Но они же кислые!

— Принесешь мне сливу, и я расскажу тебе историю.

Она проводила взглядом детей, кинувшихся к южной стене парка. Плоды висели высоко на ветках, поэтому требовалось немало времени и изобретательности, чтобы добраться до них.

— Она — чудесное дитя, — заметил Йервей, остановившийся в арочном проеме позади нее. — Хотя, возможно, слишком послушное для того, чтобы стать хорошей королевой.

Макхи проигнорировала его слова.

— Принцесса Эри жива, — продолжил он.

Она схватила кувшин со стола и швырнула его на каменные плиты внизу.

Она сорвала занавеси с окон и ногтями разодрала их в лохмотья.

Она упала лицом в шелковые подушки и закричала.

На самом деле ничего этого она не сделала.

Она всего лишь швырнула приглашение на стол и сняла с головы тяжелый обруч короны. Отлитая из чистой платины и густо усеянная изумрудами, она всегда заставляла шею Макхи болеть. Королева положила венец рядом с финиками и налила себе стакан вина. Подобные действия входили в обязанности ее слуг, но прямо сейчас она не желала видеть никого из них поблизости.

Йервей скользнул на террасу и, не спрашивая разрешения, плеснул себе вина.

— Не предполагалось, что ваша сестра выживет.

Принцесса Эри Кир-Табан, самая любимая, самая почитаемая народом — по причинам, которые Макхи никогда не могла понять. Сестра не была мудра, красива или интересна как личность. Единственным ее талантом был *хатуур*. И все равно люди ее обожали.

Эри должна была умереть. Что же пошло не так? Макхи тщательно продумывала свои планы. В результате их осуществления должны были умереть оба — и король Николай, и принцесса Эри, — а на Фьерду легли бы все

обвинения в заказных убийствах. Под предлогом мести за смерть возлюбленной сестры она ввела бы войска в оставшуюся без короля, обезглавленную страну, потребовала бы отдать ей гришей для участия в программе по созданию *кергудов* и использовала бы Равку как базу для ведения войны с Фьердой.

Она тщательно выбирала своего человека: Майю Кир-Каат была членом личного отряда Тавгарадов принцессы Эри. Отличный боец и талантливая мечница, она обладала еще одним, весьма важным качеством — уязвимостью. Ее брат-близнец исчез из своего полка, а его семье сообщили, что парень был убит в бою. Но Майю догадывалась о том, что произошло на самом деле: он был выбран, чтобы стать *кергудом*, и включен в программу «Стальное сердце», благодаря чему должен был стать более сильным, смертоносным, однако в значительной мере утратить человеческие черты. Майю умоляла, чтобы его освободили прежде, чем произойдет это преобразование, и вернули в полк в качестве обычного солдата.

Королева Макхи знала, что процесс становления *кергудом* — когда кости усиливали сталью гришей и крепили механические крылья к спине — был болезненным. Но поговаривали, что это было не главной проблемой, что солдаты, прошедшие это превращение, менялись самым ужасным образом, что *кергуды* теряли в этом процессе значительную, важнейшую часть своей личности, как будто боль погребала под собой то, что делало их людьми. И, само собой, Майю Кир-Каат не желала такой участи своему брату. Они были близнецами, *кеббен*. Не существовало связи ближе. Майю отдала бы и собственную жизнь, и жизнь короля, чтобы спасти его.

Королева Макхи отставила стакан с вином, налив себе вместо этого воды. Для того, что ее ожидало, требовалась ясная голова. Ее нянька как-то сказала ей,

что и она должна была иметь близнеца и что ее брат родился мертвым.

— Вы поглотили его силу, — выдохнула служанка, и Макхи еще тогда поняла, что однажды станет королевой. Что бы случилось, останься ее брат в живых? Кем была бы Макхи?

Теперь это не имело значения.

Король Равки был живее всех живых.

Как и ее сестрица.

И это было плохо. Но королева Макхи была не до конца уверена, насколько плохо.

Знал ли Николай Ланцов о заговоре против него? Неужели у Майю сдали нервы и она рассказала принцессе Эри, каким был настоящий план? Нет. Такого не могло случиться. Она отказывалась в это верить. Слишком крепкие узы связывали *кеббен*.

— Это приглашение похоже на ловушку, — сказала она.

— То же можно сказать о большинстве браков.

— Избавь меня от проявлений твоего остроумия, Йервей. Если король Николай знает...

— И что же может доказать его величество?

— Полагаю, Эри сможет немало рассказать. Зависит от того, что ей известно.

— Ваша сестра — нежное создание. Она ни за что не поверит, что вы способны на подобное коварство, и определенно никогда не станет свидетельствовать против вас.

Макхи хлопнула по приглашению.

— Тогда объясни это!

— Возможно, она влюбилась. Я слышал, король может быть весьма очаровательным.

— Не говори глупостей.

Принцесса Эри заняла место Майю среди Тавгарадов. Майю изображала принцессу Эри. Задача Майю — подо-

браться поближе к королю Николаю, убить его и лишиться себя жизни. Насколько известно принцессе Эри, на этом все и заканчивается. Но в ходе вторжения, последовавшего бы за этим, неизбежны были бы потери, и Тавгарады получили приказ удостовериться, что Эри станет одной из них. Хоть они и считались стражами принцессы Эри, приказы королевы были для них на первом месте. Министры Макхи никогда бы не узнали о придуманном ею плане. Так почему же он провалился?

— Вы должны посетить церемонию венчания, — настаивал Йервей. — Все ваши министры будут ждать этого от вас. Ведь это шаг к осуществлению их планов о мире. Они полагают, что вы должны быть в восторге.

— На твой взгляд, я выглядела недостаточно восторженной?

— Вы, как, впрочем, и всегда, были идеальной королевой. И лишь я заметил определенные знаки.

— Министры, слишком много замечающие, рискуют однажды лишиться зрения.

— А королевы, слишком мало доверяющие, рискуют однажды лишиться трона.

Макхи вскинула голову.

— Что ты этим хочешь сказать?

Только Йервею была известна правда — и речь вовсе не о деталях ее планов убийства короля Равки и собственной сестры. Он был личным доктором ее матери и бабушки. И он находился у смертного одра ее матери, когда королева Кейен Кир-Табан, Небеснорожденная, назвала своей преемницей Эри, а не Макхи. Каждая королева из рода Табан имела право сама выбирать свою преемницу, но почти всегда ею становилась старшая дочь. Так было на протяжении сотен лет. Макхи *должна* была стать королевой. Она была рождена для этого, ее для этого растили. Она была столь же сильна, как любая из Тавгарадов, умело управляла лошадью, являлась

блестящим стратегом, коварным, как паук. И все же. Ее мать выбрала Эри. Мягкую, милую, очаровательную Эри, обожаемую народом.

— Обещай мне, — потребовала тогда мать. — Обещай мне, что последуешь моей воле. Поклянись в этом перед Шестью Стражами.

— Я обещаю, — прошептала Макхи.

И Йервей все это слышал. Он дольше всех остальных служил у матери советником, и Макхи даже представления не имела, сколько он уже живет на этой земле. При этом он, казалось, совсем не старел. Она смотрела на него, прямо в слезящиеся глаза на морщинистом лице, и гадала, не рассказал ли он матери о совместно начатой ими работе, о секретных экспериментах, о зарождении программы по созданию *кергудов*. Ведь это вполне могло привести к передаче трона Эри.

— Но Эри не хочет править... — сделала попытку Макхи.

— Лишь потому, что она всегда полагала, что править будешь ты.

Макхи взяла руку матери в свои.

— Но я и должна. Я училась. Меня к этому готовили.

— Но ни один из уроков не научил тебя доброте. Ни один из наставников так и не смог научить тебя милосердию. Твое сердце жаждет войны, и мне непонятно почему.

— У меня сердце сокола, — гордо ответила Макхи. — Сердце истинной Хан.

— Речь о воле сокола. А это совсем другое дело. Поклянись мне, что сделаешь, как я сказала. Ты из рода Табан. Мы хотим того, что нужно стране, а стране нужна Эри.

Макхи не стала рыдать и спорить; она просто принесла клятву.

И с этим ее мать испустила последний вздох. Макхи вознесла молитвы Шести Стражам, зажгла свечи в па-

мять о всех ушедших королевах Табан. Она прибрала волосы и отряхнула руки о шелковый подол своих одежд. Вскоре ей предстоит надеть голубой — цвет скорби. И ей воистину было о чем скорбеть — о потере матери, о потере короны.

— Вы сами скажете Эри или придется мне? — спросила она у Йервея.

— Скажу ей что?

— Моя мать...

— Я ничего не слышал. Рад, что она отошла легко.

Так, над остывающим телом ее матери, сложился их союз. Так появилась новая королева.

И вот теперь Макхи стояла, облокотившись на перила террасы, и вдыхала ароматы цветущих садов — жасмин, сладкий запах апельсинов. Она слушала смех племянницы и мальчишки-садовника. Забирая корону у сестры, она не понимала, как мало это изменит, что ей по-прежнему постоянно придется соревноваться с доброй, рассеянной Эри. И только одно может положить конец этим мучениям.

— Я буду на венчании сестры. Но сначала мне необходимо отправить послание.

Йервей приблизился.

— Что вы задумали? Знаете, ваши министры прочтут это послание, даже если оно будет запечатанным.

— Я не глупа.

— Можно совершить глупость и не будучи глупцом. Если...

Йервей резко умолк, не закончив нравоучительную речь.

— В чем дело? — спросила Макхи, проследив за его взглядом.

Тень двигалась сквозь сады слив у дворцовых стен. Макхи подняла глаза, ожидая увидеть воздушное судно, но небеса были чисты. Тень продолжала расти, растека-

ясь, как чернильное пятно, прямо в их направлении. Деревья, которых она касалась, падали, как подкошенные, чернели на глазах и тут же исчезали, не оставляя никаких следов — лишь выцветшую землю и завитки дыма.

— Что это? — выдохнул Йервей.

— Акени! — закричала королева. — Акени, спускайся с дерева! Уходи оттуда сию же секунду!

— Я собираю сливы! — смеясь, крикнула в ответ девочка.

— Я сказала, сию секунду!

Акени не могла видеть то, что скрывалось за стеной, эту черную волну смерти, наступающую совершенно беззвучно.

— Стража! — завопила королева. — Помогите ей!

Но было слишком поздно. Тень скользнула по дворцовой стене, превращая золотистые кирпичи в уголь, и опустилась на сливовое дерево. Казалось, на Акени и мальчишку-садовника опустилась темная вуаль, приглушившая их смех.

— Нет! — крикнула Макхи.

— Моя королева, — настойчиво сказал Йервей. — Вам нужно уходить.

Но пятно тлена замерло прямо у кромки фонтана, оставив четкий след, словно волна прибойя на песке. Все, чего она коснулась, превратилось в серую пыль. Все, что осталось вне зоны поражения, зеленело и дышало жизнью.

— Акени, — приглушенно всхлипнула королева.

Ей ответил лишь ветер, гулявший по саду и развеивавший последние, едва заметные клочки тени. Ничего не осталось, лишь сладкий аромат обративших головки к солнцу цветов, счастливых в своем неведении.

Нина ощущала вкус соленого ветра на губах, окунаясь в рыночный шум — призывы торговцев, нахваливающих свои товары, крики чаек над бухтой Джерхольма и ругань солдат на палубах кораблей. Она кинула взгляд на вершину утеса, оккупированную нависающим над всей этой картиной Ледовым Двором, чьи высокие белые стены блестели ярко, словно обнаженные кости, и с трудом подавила дрожь. Здорово было оказаться на свежем воздухе, подальше от уединенных комнат Белого острова, но ей казалось, будто древнее здание следит за ней, будто до нее доносится шепот: *«Я знаю, кто ты. Тебе здесь не место».*

— Со всем уважением, умолкни, — буркнула она.

— Хм-м? — отозвалась Ханна, прогуливавшаяся вместе с ней по набережной.

— Да ничего, — поспешно ответила Нина.

Разговоры с неодушевленными объектами были недобрим знаком. Слишком уж долго она пробыла в заточении, не только в Ледовом Дворе, но и в теле Милы Яндерсдат, чье лицо и фигура были созданы специально, чтобы скрыть личность самой Нины. Она бросила на Ледовый Двор очередной злобный взгляд. Утверждалось,